

Ленский

Владимир Ленский — центральный персонаж романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В романе о любви не обойтись без мотива ревности, хотя бы напрасной. Но появление Ленского на страницах романа (он приезжает в деревню почти одновременно со своим новым соседом Онегиным; сходитя с ним; вводит в дом Лариных; знакомит с Татьяной и ее сестрой Ольгой — своей невестой; после того как раздраженный Онегин, чтобы досадить другу, начинает притворно ухаживать за Ольгой — причем за две недели до ее свадьбы с Ленского, — тот вызывает Евгения на дуэль; Онегин убивает Ленского) объясняется не этим. Главное предназначение Ленского в другом. Он оттеняет чрезмерную трезвость Онегина чрезмерной же возвышенностью, «неотмирностью». И в этом если не равновелик, то хотя бы сомасштабен главному герою. (Эта сомасштабность подчеркнута даже одинаковым «построением» литературных имен: фамилии и Онегина, и Ленского — гидронимы. «Реальный» дворянин не мог иметь такого родового прозвания, ибо крупная река не могла полностью входить в пределы его вотчины; так что при всей своей «русскости», при всем своем жизнеподобии «прозвания» героев подчеркнута условны. По такой модели часто строились фамилии водевильных персонажей; ср. также Ленского — второстепенного героя романа М. Загоскина «Рославлев».) В противном случае естественная поэтичность, органичная здравость Татьяны Лариной утратила бы статус «золотой середины» — и все смысловые пропорции романа распались бы.

Онегин прибывает в дядину деревню из Петербурга, где его настигло разочарование в жизни; Ленский приезжает в свое Красногорье (ср. Тригорское) «из Германии туманной», где он стал поклонником Канта и поэтом. Ему «без малого осьмнадцать лет»; он богат, хорош собою; речь его всегда восторженна, дух пылок и довольно странен. Все это не просто набор деталей, биографических подробностей; поведение Ленского, его речь, его облик (кудри черные до плеч) указывают на свободомыслие. Но не на свободомыслие английского аристократического образца, которому (как поначалу кажется) следует денди Онегин, — а вольномыслие интеллектуального, «геттингенского» типа, как сама душа Ленского. (Геттингенский университет был одним из главных рассадников европейского вольномыслия, философского и экономического; тут еще одна скрытая параллель с Онегиным, увлеченным новейшей политической экономией английской школы А. Смита. Здесь учились многие русские либералы 1810–1820-х; в том числе повлиявший на юного Пушкина экономист Н.И. Тургенев, лицейские профессора А.И. Галич, А.П. Куницын.) Новомодным романтизмом в «немецком» духе навеяна и поэзия Ленского; он поет «нечто и туману даль», пишет «темно и вяло». При этом стилистика его прощальной элегии «Куда, куда вы удалились, / Весны моей златые дни...» скорее ориентируется на общие места французской лирики 1810-х. А сам молодой поэт, несмотря на модные привычки, внешность и заимные вкусы, «сердцем милый был невежда».

То есть втайне от себя и окружающих он в душе остается провинциальным русским помещиком. Милым, простым, не слишком утонченным и не чрезмерно глубоким. Если Онегин назван в романе пародией, если сказано об онегинских масках, скрывающих его истинный облик, то в полной мере это относится и к Ленскому. С той разницей, что его маска (во всем противоположная онегинской, но тоже не совпадающая с лицом) скрывает отнюдь не душевную пустоту, но скорее сердечную простоту. И чем сложнее маска, тем проще кажется отзывчивая душа, озаренная светом поэтического дарования (которое может развернуться, а может и погаснуть впоследствии, как уточняет автор).

На постоянном несовпадении внутреннего и внешнего облика героя, его «внутренней и внешней формы» строится романый образ. Таким Ленский входит в сюжет, таким

и выходит из него. Он ранен на дуэли в грудь навyleт; жизнь его оборвалась. Но какой удел ждал героя, останься он жив? Автор обсуждает две взаимоисключающие возможности. Быть может, Ленский был рожден для «блага мира» — здесь намеренно скрещены значения имен Онегина (Евгений, благородный) и Ленского (Владимир), — для великих свершений или хотя бы поэтической славы. Но, может статься, ему выпал бы «обыкновенный» удел сельского барина, расхаживающего по дому в халате, умеренно рогатого, занятого хозяйством и живущего ради самой жизни, а не ради грандиозной цели, внеположной быту. Совместить одно с другим невозможно; но где-то в подтексте угадывается авторская мысль: стань Владимир «героем», он сохранил бы провинциальный помещичий «заквас», простой и здоровый; сделайся он уездным помещиком, — все равно поэтическое горение не до конца уснуло бы в нем. Только смерть способна отменить это благое противоречие его личности, лишить выбор между двумя «возможностями» какого бы то ни было смысла.

Такое несовпадение не может не вызывать авторской иронии — и авторской симпатии, как все наивное, чистое, неглубокое и вдохновенное. Поэтому интонация рассказа о Ленском все время двойится, раскачивается между полюсами — от насмешки к «отческому» любованию и обратно. Ирония проступает сквозь симпатию, симпатия просвечивает сквозь иронию. Даже когда жизнь Ленского заходит на последний круг, двойственная тональность повествования сохраняется; просто ирония становится сдержанней и глуше, сочувствие — пронзительней, а полюса — ближе.

В ночь перед дуэлью Ленский читает Шиллера, упоенно сочиняет свои последние стихи, хотя бы и полные «любовной чепухи» — и это трогает автора («трогает» в том сентиментальном смысле, какое — по французскому образцу — придал этому слову Карамзин). Жизнь вот-вот уйдет от Ленского, а он продолжает играть в поэта и засыпает на «модном слове идеал». Автору горько-смешно говорить об этом. (Хотя в финале романа, прощаясь со своей «романной» жизнью, он сам прибежит к слову «идеал», то будет принципиально иной идеал, противопоставленный «модному»: «А та, с которой образован / Татьяны милый идеал... / О многих, многих рок отъял».)

Но вот Ленский (во многом из-за своего упрямства, своей поэтической гордости — ибо Онегин намекнул на готовность примириться) убит. Голос автора приобретает сердечную торжественность: «...странен / Был томный лик его чела». В идиллические тона окрашено описание «памятника простого», сооруженного на могиле Владимира; сама могила забыта всеми; позже это печальное описание будет повторено в финале стихотворной повести «Медный всадник», где говорится о безымянной могиле бедного Евгения. Но, воспроизводя надпись на памятнике, автор вновь подпускает легкую иронию — и вновь окутывает ее дымкой неподдельной грусти; он смешивает смех и слезы, чтобы читатель проводил Владимира с тем же двойственным чувством, с каким впервые встретил его: «Владимир Ленский здесь лежит, / Погибший рано смертью смелых, / В такой-то год, таких-то лет. / Покойся, юноша-поэт!» Кроме всего прочего, эта грустно-смешная надпись должна вызвать в памяти читателя полукомический эпизод из 2-й главы, когда Ленский над могилой Ларина-старшего повторяет гамлетовские слова: «Poor Yorick!»

Все это в полной мере относится и к любовному сюжету Ленского. Он влюбляется в соседку, Ольгу Ларину, как герой романа — в героиню романа; видит в ней только поэтические черты, словно вычитал свою Ольгу в любовной лирике К. Батюшкова («любой роман / Возьмите и найдете верно / Ее портрет»). Такой видит ее Ленский. Автор сопровождает ироничным комментарием точку зрения героя. Ленский воспринимает возлюбленную так же, как Татьяна воспринимает Онегина: сквозь призму литературы. Но беда в том, что читатель имеет возможность тут же взглянуть на Ольгу трезвыми, даже слишком трезвыми, глазами Онегина — «Кругла, красна лицом она». Ни золотых волос, ни легкого стана. Ольга — обычная деревенская барышня, против собственной воли назначенная Владимиром на роль Музы; роль эта ей не под силу; она в том неповинна.

(Недаром проникательный Онегин замечает в разговоре с Ленским, что, будь он поэтом, выбрал бы меньшую, Татьяну.) Нет никакой ее вины и в том, что Ленский, который «строит» отношения с возлюбленной предельно серьезно, по европейской сентиментальной модели (совместное чтение нравоучительных романов с пропуском «опасных» мест, шахматная игра), неверно «прочитывает» смысл ее действий и поступков. Готовность без конца танцевать с Онегиным во время последнего бала для нее не связана с флиртом, тем более с изменой; это не вызов жениху; это просто — легкомысленность веселья. И когда Ленский (уже пославший вызов на дуэль) совершает прощальный визит к Лариным, Ольга недоуменно вопрошает: отчего он так рано вчера уехал? В жертве (страшной жертве собственной жизнью!), которую Владимир готовится за нее принести, она не нуждается; ее сознание — минутно, впечатления в нем долго не задерживаются. Так и смерть Ленского будет ею оплакана и забыта; «С улыбкой легкой на устах» Ольга тут же выйдет замуж за улана — и уедет с ним в полк.

Как все остальные герои романа, Ленский должен был производить на современного читателя двойственное впечатление: казаться узнаваемым и оставаться неузнанным. Его образ будто «списан» с реальности, а на самом деле — за ним нет никакого реального прототипа. (Хотя предпринималась попытка указать не пушкинского сокурсника — поэта В. Кюхельбекера.) Точно так же обстоит дело и с «литературной родословной». (Полукомическая фигура молодого восторженного поэта была разработана русской драматургией конца XVIII — начала XIX в.) Образ восторженно-чистого, внутренне трагичного юного «певца» дан в романтической лирике начала века («Сельское кладбище» Жуковского и др.). Но проекции этих типовых образов, пересекаясь в Ленском, не исчерпывают его «литературной личности» — в отличие от романтизированного образа юноши-поэта в опере Чайковского «Евгений Онегин» (1878). Оперная трактовка повлияла и на читательское восприятие нескольких поколений.